

Антонина ЛОБКАРЁВА, старший научный сотрудник Историко-мемориального центра-музея И.А. Гончарова.

ЭТО БЫЛ НЕ КРИТИК, НЕ ПУБЛИЦИСТ, НЕ ЛИТЕРАТОР, А ТРИБУН

2026 год – юбилейный для двух выдающихся литераторов XIX века, критиков и публицистов: Виссариона Григорьевича Белинского (1811–1848) и Николая Александровича Добролюбова (1836–1861).

Заглавием статьи стали слова И.А. Гончарова, написанные им о В.Г. Белинском в очерке «Заметки о личности Белинского». Эту характеристику можно отнести и к Н.А. Добролюбову, которого современники воспринимали как наследника «неистового Виссариона».

В.Г. Белинский первым задумался над состоянием существующего литературного процесса в 30–40-е годы девятнадцатого столетия, и взял на себя задачу осмысления роли литературы в развитии русского общества. Спустя 25 лет Россия получила ещё одного критика – Добролюбова, продолжившего дело своего предшественника. Они прожили недолгую жизнь: Белинский умер, не дожив до 37 лет, Добролюбов – в 25 лет. Но жизнь и творчество великих критиков значительно влияли на общественное сознание своего времени, на развитие русской литературы девятнадцатого века и во многом определили характер литературного процесса в последующих этапах её развития. В.Г. Белинский восторженно приветствовал публикацию в третьем и четвёртом номерах журнала «Современник» за 1847 год романа Гончарова «Обыкновенная история». Через двенадцать лет также восторженно писал Н.А. Добролюбов о романе «Обломов», напечатанном в журнале «Отечественные записки». Эмоци-

В.Г. Белинский

Н.А. Добролюбов

ональное и рельефное раскрытие социально-политического смысла и остро современной направленности романов Гончарова, отмеченное критиками, во многом способствовало успеху произведений у читающей публики. Это импонировало писателю и особенно отчетливо выразилось в его реакции на статью Добролюбова «Что такое обломовщина?» опубликованной в «Современнике». Так, 20 мая 1859 года Гончаров сообщал своему доброму знакомому, талантливому, но малоизвестному литератору И.И. Льховскому: «Добролюбов написал в „Современнике“ отличную статью, где очень полно и широко разобрал обломовщину». И в тот же день он с удовольствием писал П.В. Анненкову: «Получаете ли Вы журналы? Взгляните, пожалуйста, статью Добролюбова об Обломове; мне кажется, об обломовщине, т. е. о том, что она такое, уже сказать после этого ничего нельзя. Он это, должно быть, предвидел и поспешил написать прежде всех». Гончаров почти не обращался к другим критическим оценкам романа, так и оставшись при убеждении, что Добролюбов в своей «отличной» статье настолько «полно и широко разобрал обломовщину», что другим рецензентам сказать об этом уже, собственно, нечего. Рассуждая в статье «Лучше поздно, чем никогда» о важной роли немцев и «немецкого элемента» в русской жизни, романист основной причиной этого явления назвал обломовщину: «Это, конечно, досадно, но справедливо – и причины этого порядка дел истекают из той же обломовщины (между прочим, из крепостного права), главный мотив которой набросан мною в „Сне Обломова“». В той же статье, делаясь с читателями рассуждениями о своём творчестве, Гончаров отмечал: «Я не остановлюсь долго над „Обломовым“». В свое время <...> значение его было оценено и критикой, особенно в лице

Добролюбова, и публикую весьма сочувственно И.А. Гончаров, как и большинство его современников, воспринимал Добролюбова как преемника Белинского. В «Заметках о личности Белинского» он писал: «Между тем эта же самая горячность, т. е. способность увлекаться, и поставила его (Белинского – А.Л.) во главе критики художественных произведений и создала даже школу этой критики, первым удачным последователем которой был Добролюбов и менее удачным Аполлон Григорьев».

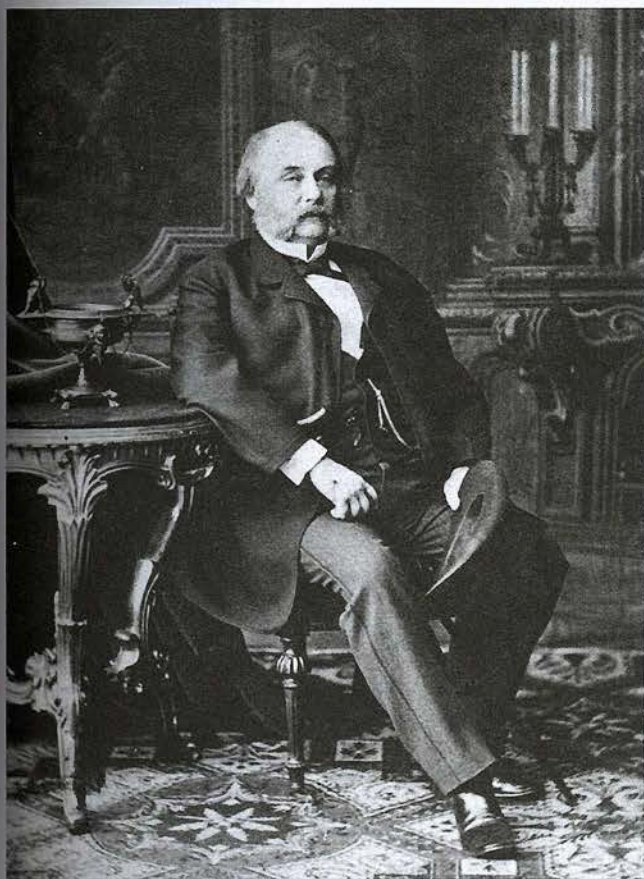
А к Белинскому у Гончарова было особое отношение. Они были почти ровесники: критик старше романиста на год. Оба учились в Московском университете. После исключения из университета будничнейший критик остался без средств к существованию и был вынужден перебиваться уроками и переводами, так он перевёл роман Поля де Кока «Мари-Далина» в 1833 году. Гончаров так не нуждался, но из любви к литературе тоже много переводил в студенческие годы. В 1832 году в журнале «Телескоп» был опубликован отрывок из романа французского писателя Эжена Сю «Атар Гюль» в его переводе. Сблизившись с профессором Н.И. Надеждиным, основателем в 1831 году нового журнала «Телескоп», Белинский стал переводить небольшие статьи для журнала и в сентябре 1834 года выступил с первой своей критической статьёй, с неё и начинается его серьёзная литературная деятельность. Критическая статья Белинского «Литературные мечтания. Элегия в прозе», опубликованная в нескольких номерах приложения к журналу «Телескоп», представляет собой эмоционально и прекрасно написанный обзор исторического развития русской литературы. Анализируя состояние русской литературы от Кантемира до новейшего времени, двадцатитрёхлетний Белинский безжалостно утверждает, что «у нас

нет л
зять
шое ч
он ви
литер
образ
физис
к этом
ное с
мечта
Росси
народ
тели
чать р
рается
зана с
време
публи
лее по
«Сво
ем со
себя п
го нуж
общес
слить
го нуж
чувств
дела,
этом
в серд
ге в ге
туру:
лая Че

нет литературы», которая была бы способна выразить нашу национальную идею, а есть лишь небольшое число писателей. Но именно в том, что её нет, он видит залог развития богатого будущего русской литературы. И для этого: «Надо сперва, чтобы у нас образовалось общество, в котором бы выразилась физиономия могучего русского народа». И добавил к этому, что должно быть и просвещение, возвращенное своими руками и на родной земле. Белинский мечтал: «Придет время, просвещение разольется в России широким потоком, умственная физиономия народа выяснится, и тогда наши художники и писатели будут на все свои произведения налагать печать русского духа». В 1839 году Белинский перебирается в Петербург, где его деятельность будет связана с журналами «Отечественные записки» и «Современник». Он всё более становится критиком-публицистом, от литературы требует возможно более полного изображения действительной жизни: «Свобода творчества легко согласуется со служением современности; для этого не нужно принуждать себя писать на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни». И он стал работать в этом направлении с таким пылом, что зажег искры в сердцах молодых литераторов, выросших в итоге в гениев и составивших великую русскую литературу: Фёдора Достоевского, Ивана Тургенева, Николая Чернышевского, Николая Некрасова, Дмитрия

Григоровича, Ивана Гончарова и многих других. Знакомство Гончарова с «неистовым Виссарионом», как с лёгкой руки Н.В. Станкевича стали звать критика, состоялось в 1846 году в Петербурге. Но Гончаров был знаком со статьями Белинского и во многом разделял его понимание задач литературы. Завершив свой первый роман, начинающий писатель прежде всего хотел знать мнение критика. «Я с ужасным волнением передал Белинскому на суд „Обыкновенную историю“, не зная сам, что о ней думать», – писал Иван Александрович. Их личное знакомство и общение продолжались недолго: «Когда я узнал Белинского в 1846 году, здоровье его было подорвано...» – вспоминал Гончаров. Усилившаяся чахотка стала причиной поездки критика за границу с мая по ноябрь 1847 года, но заграничное лечение не принесло ожидаемого результата – 28 мая 1848 года Белинского не стало. Конкретным поводом для появления статьи Гончарова о Белинском явилось обращение к писателю в 1874 году известного историка литературы А.Н. Пыпина, работавшего над биографией Белинского, с просьбой дать свои воспоминания для включения в её текст. Гончаров сразу отозвался на эту просьбу и написал заметки (в форме письма) «Как я понимаю личность Белинского», подчеркнув в названии «толковательный» характер воспоминаний. Этот вариант очерка Гончаров читал своим знакомым у редактора «Вестника Европы» М.М. Стасюлевича. Слушатели сразу оценили его воспоминания, где не просто сообщались какие-либо факты биографии Белинского, а давалась общая характеристика его личности и деятельности. Текст не удовлетворил Гончарова, и он отказался его печатать. Очерк под названием «Заметки о личности Белинского», значительно переработанный, был опубликован только в 1880 году в сборнике «Четыре очерка». По общему мнению, воспоминания Гончарова о Белинском заняли важнейшее место в мемуарной литературе о великом русском критике. Писатель создал психологически точный портрет великого критика.

В сборник вошли также «Литературный вечер», «Миллион терзаний», «Лучше поздно, чем никогда». Книга «Четыре очерка» в какой-то степени закрыла для Гончарова вопрос четвертого романа. Он сам произнёс однажды это загадочное – «четвёртый роман». Современный исследователь В.И. Мельник в статье, которая так и называется «Четвёртый роман Гончарова», писал: «Казалось бы, после романа «Обрыв» Гончаров более не должен думать о творчестве. Ведь в «Обрыв» уложилось всё: вера, надежда, любовь, наконец, и Россия... И однако же Гончаровым, кажется, всё продолжает владеть какая-то общая идея. Как будто он ещё что-то оставил для себя, и это что-то его мучает и заставляет постоянно возвращаться к одной и той же мысли». Сохранился один лист с наброском сцены из четвертого романа: Райский возвращается из Италии, встречается с Софьей Беловодовой, и она говорит ему, что всё изменилось и «беременные бабы уже не жнут в поле под палящим солнцем». И этот набросок свидетельствует, что у писателя была мечта художественно отразить, если говорить словами самого Гончарова, «здоровые источники жизни». «Недосказанность» Гончарова заставляет не только

И.А. Гончаров, 1870-е гг.

Мельника, но и многих других исследователей обращаться к статьям писателя, созданным в последние годы жизни, в надежде найти следы четвёртого романа. В «Заметках о личности Белинского» романист прямо отсылает читателей к «Обрыву». В начале очерка он противопоставляет героя романа Райского Белинскому: «На мой взгляд, это была одна из тех горячих и восприимчивых натур, которые привыкли приписывать обыкновенно искренним и самобытным художникам. Такие натуры встречаются нередко – я их наблюдал везде, где они попадались: и в своих товарищах по перу, и гораздо раньше, начиная со школы, наблюдал и в самом себе – и во множестве экземпляров – и во всех находил неизбежные родовые сходственные черты, часто рядом с поразительными несходствами, составлявшими особенности видов или индивидуумов. Все эти наблюдения привели меня к фигуре Райского в романе «Обрыв», этой жертве своего темперамента и богатой, но не направленной ни на какую цель фантазии. Последняя была в нем праздною, бесполезною силой, и без строгой его подготовки к какому бы то ни было делу разрешалась у него только в бесплодных порывах к деятельности и уродовала самую его жизнь. Но другие, богато одаренные натуры, став твердой ногой на почве своего призвания, подчиняют фантазию сознательной силе ума и создают целую сферу производительной деятельности. Так было и с Белинским». Подчёркивая деятельное и положительное начало натуры Белинского, Гончаров писал: «...с какой умственной и нравственной

тёмой надо было бороться, в каком застое покоилась масса, перед которой он проповедовал? Крепостное право лежало не на одних крестьянах – ему приходилось еще оспаривать право начальников – распоряжаться по своему произволу участью своих подчиненных, родителей – считать детей своей вещественной собственностью и т. д. – и тут же рядом объяснять тонкость и прелесть Пушкинской и Лермонтовской поэзии...». «На подобную начальственную литературную роль, – отмечал автор, – нужна была именно такая горячая натура, как его, и такие способы и приемы, какие с успехом были употреблены им: другие, более мягкие, покойные, строго обдуманые, не дали бы ему сделать и половины того, что сделал он...»

В сборнике очерки, объединённые одной темой, Гончаров расположил по времени их написания: «Миллион терзаний» (1872), «Заметки о личности Белинского» (1874), «Лучше поздно, чем никогда» (1879). По мысли писателя, высказанной в «Миллионе терзаний», А.С. Грибоедов в образе Чацкого воплотил положительного героя своего времени. В этом очерке он впервые провёл параллель между литературным образом – Чацким и реальным деятелем – Белинским. В «Лучше поздно, чем никогда» писатель делился мыслями о своих романах, о своём времени. Можно сказать, что в очерках Гончаров частично реализовал мечту о художественном воплощении «здоровых источников жизни», представив ярко и убедительно личность В.Г. Белинского.

